

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события — исключительно плод воображения автора. Любое сходство с реальными событиями, местами действия и людьми — как живыми, так и мертвыми — совершенно случайно.

Часть первая

ДЕТСТВО

Глава 1

Сто лет назад Билокси являлся оживленным курортным и рыбацким городком на побережье Мексиканского залива. Из двенадцати тысяч его обитателей одни работали на верфях, другие — в отелях и ресторанах, но для большинства источником доходов служил океан. Рабочие были выходцами из Восточной Европы, в основном Хорватии, их предки веками ловили рыбу в Адриатике. Мужчины ходили в море на шхунах и траулерах, добывая морепродукты в Заливе, в то время как женщины и дети чистили устриц и упаковывали креветок, получая за свой труд по десять центов в час. В районе под названием Бэк-Бэй бок о бок работали сорок консервных заводов. В 1925 году из Билокси было отправлено в самые разные уголки страны двадцать миллионов тонн морепродуктов. Благодаря постоянно высокому спросу и не уступающему ему предложению город часто называли мировой столицей даров моря.

Иммигранты жили либо в бараках, либо в одноэтажных домах шириной в одну комнату. Эти строения располагались на Пойнт-Кадет — полуострове на востоке Билокси по другую сторону от пляжей Залива. Приехав в Америку из Польши, Венгрии, Чехии и Хор-

ватии, их родители, бабушки и дедушки, старались как можно быстрее адаптироваться к обычаям и укладу своей новой страны. Дети, выучив английский, помогали овладеть им своим родителям и редко говорили дома на родном языке. Большинство славянских фамилий таможенники не могли выговорить и потому изменяли их на американский лад в порту Нового Орлеана и на острове Эллис. На кладбищах Билокси повсюду встречались надгробия с такими фамилиями, как Юркович, Хорват, Конович, Касич, Родак, Баббич, Перанич. Компанию им составляли могильные плиты, на которых значились Смит, Браун, О'Киф, Маттина и Белланд. Понятно, что на первых порах иммигранты старались держаться своих — так было легче защитить друг друга, — но уже ко второму поколению они стали вступать в смешанные браки с выходцами из Франции и всевозможными англосаксами.

Сухой закон был по-прежнему в силе и по всем южным штатам ревностно соблюдался праведными баптистами и методистами. Однако на Восточном побережье выходцы из Европы и католики относились к отказу от спиртного не столь трепетно. По сути, Восемнадцатая поправка к Конституции США, вводившая сухой закон, в Билокси никогда толком не действовала. Когда в 1920 году в стране воцарился сухой закон, Билокси этого практически не заметил. Его бары, забегаловки, притоны, местные пабы и высококлассные клубы не только не закрылись, но стали еще более популярными. В торговле спиртным из-под полы просто не было необходимости, поскольку оно продавалось повсюду и никого — а полицию в первую очередь — это не волновало. Билокси превратился в центр притяжения страдающих от «жажды» южан. Благодаря дивным пляжам,

изумительно вкусным морепродуктам, мягкому климату и хорошим отелям туризм процветал. Сто лет назад побережье Мексиканского залива стало называться Ривьерой бедняков.

Как это обычно бывает, неконтролируемый порок становится заразным. К незаконной выпивке добавились азартные игры, потеснившие ее на ниве процветавшей противоправной деятельности. В барах и клубах возникли импровизированные казино. Они работали в открытую, и сыграть в покер, блек-джек или кости можно было повсюду. В вестибюлях фешенебельных отелей рядами стояли игровые автоматы, что, конечно, являлось вопиющим нарушением закона.

Бордели существовали всегда, однако их деятельность не афишировалась. Но в Билокси все было по-другому. Борделей там имелось много, и обслуживали они не только постоянных надежных клиентов, но и полицейских с политиками. Эти заведения находились в тех же зданиях, что и бары с игорными столами, так что молодому человеку, ищущему удовольствия, достаточно было просто зайти в одно из них.

Наркотики, в частности марихуана и героин, не предлагались столь же открыто, как секс и выпивка, однако найти их было несложно, особенно в салонах мюзик-холлов и в холлах отелей.

Журналистам часто было трудно поверить, что в таком религиозном и консервативном штате могут столь терпимо относиться к подобной незаконной деятельности. Они писали статьи о буйной и разгульной жизни в Билокси, но ничего не менялось. Казалось, никого из облеченных властью это не волновало. Преобладающей реакцией было: «Это же Билокси!» Правда, находились политики, бившие тревогу и призывавшие бороться

с преступностью, а также проповедники, обличавшие с церковной кафедры разгул, однако серьезных усилий по «очистке Побережья» никогда не предпринималось.

Самым большим препятствием на пути любых попыток навести порядок была укоренившаяся продажность полиции и выборных должностных лиц. Полицейские и помощники шерифа получали мизерную зарплату и с удовольствием брали наличные за то, чтобы закрывать глаза на происходящее. Местных политиков было легко подкупить, и они процветали. Все зарабатывали, все были довольны, так зачем портить то, что хорошо устроено? Никто не заставлял пьяниц и азартных игроков отправляться в Билокси. Если кому-то были не по душе здешние нравы, они могли остаться дома или отправиться в Новый Орлеан. Но если люди решали потратить свои деньги в Билокси, то могли быть уверены, что полиция их не побеспокоит.

Преступная деятельность получила мощный импульс к развитию в 1941 году, когда построили большую базу ВВС на месте, которое некогда занимал загородный клуб Билокси. Там же появился военный аэродром «Кислер», названный так в честь героя Первой мировой войны из Миссисипи, чье имя вскоре стало нарицательным и означало дурное поведение десятков тысяч солдат, готовящихся к отправке на фронт. Количество баров, казино, борделей и стриптиз-клубов резко возросло. Как и преступность. Полиция была завалена жалобами солдат на мошенничество с помощью игровых автоматов и рулетки, на махинации крупье, «коктейли с сюрпризом» и вороватых проституток. Поскольку владельцы хорошо зарабатывали, жалоб от них поступало мало, однако было много драк, нападений на их девушек, разбитых окон и бутылок из-под виски. Как все-

гда, полиция защищала тех, кто ей платил, и тюрьмы заполняли солдаты. По пути в Европу и на Тихий океан, а затем в Корею и Вьетнам их прошло через «Кислер» более полумиллиона.

Пороки Билокси были настолько прибыльными, что не могли не привлечь обычный набор персонажей из преступного мира: рецидивистов, уголовников, бутлегеров, контрабандистов, перевозчиков запрещенных спиртных напитков, аферистов, наемных убийц, сутенеров, бандитов и более амбициозный класс криминальных авторитетов. В конце 1950-х годов в Билокси обосновалась ветвь довольно рыхлой банды жестоких головорезов, прозванных мафией Дикси. Они намеревались установить границы своей территории и захватить часть преступного бизнеса. Владельцы клубов относились друг к другу настороженно и до появления мафии Дикси, но все они зарабатывали хорошие деньги и на жизнь не жаловались. Время от времени случались убийства и обычное запугивание, однако никаких серьезных попыток захватить власть никто не предпринимал.

Мафия Дикси имела мало общего с организацией «Коза ностра», если не считать схожих амбиций и жестокости. Она не была «семьей», и потому о лояльности говорить не приходилось. Ее члены — причем ФБР никогда не было точно известно, кто являлся ее членом, кто нет, а кто лишь говорил о причастности к ней, — были разрозненным сборищем плохих парней и отморожков, которые предпочитали доход от преступных действий честному труду. Мафия Дикси не имела четкой структуры и иерархии. Никаких донов наверху и костоломов внизу с прослойкой бандитов средней руки между ними. Со временем одному владельцу клуба

удалось консолидировать свои активы и получить большее влияние. Он и стал Боссом.

Мафию Дикси отличала приверженность к насилию, жестокость этих ребят нередко повергала в шок даже агентов ФБР. Весь путь развития группировки и продвижения на юг к Побережью был усеян немислимым количеством трупов, и практически ни одно убийство так и не удалось раскрыть. В ней соблюдалась только одна нерушимая кровная клятва: «Ни слова копам». Тела тех, кто ее нарушил, находили либо в канавах, либо не находили вовсе. Ходили слухи, что с лодок, на которых вели промысел креветок, в глубокие теплые воды пролива Миссисипи сбрасывали обвешанные грузами трупы в двадцати милях от берега.

Несмотря на репутацию города, где царит беззаконие, преступность в Билокси находилась под неусыпным контролем владельцев значных заведений с одной стороны и полиции — с другой. Со временем эти заведения сосредоточились в одном важном районе города, а точнее, на так называемом Стрипе — участке автострады номер 90 вдоль пляжа длиной в милю. Тут располагались казино, бары и бордели, и законопослушные граждане просто обходили его стороной. За пределами Стрипа жизнь оставалась нормальной и безопасной. Если кому-то были нужны проблемы, то найти их не представляло никакого труда. Как и держаться от них подальше. Билокси процветал благодаря дарам моря, судостроению, туризму, строительству и практической этике труда, носителями которой являлись иммигранты, мечтавшие о лучшей жизни. Город строил школы, больницы, церкви, автомагистрали, мосты, дамбы, парки, места отдыха и прочее, что было необходимо для улучшения жизни его жителей.

Глава 2

Соперничество началось с дружбы двух мальчиков, имевших много общего. Оба были внуками хорватских иммигрантов в третьем поколении, оба родились и выросли на Пойнте, как обычно называли Пойнт-Кадет. Их семьи жили через две улицы, и родители, бабушки и дедушки хорошо знали друг друга. Они ходили в одну и ту же католическую церковь, учились в одних школах, играли на одних и тех же улицах, пустырях и пляжах, а по выходным ловили рыбу с отцами в Заливе. Они родились в 1948 году с разницей в один месяц, оба были сыновьями молодых ветеранов войны, которые создали семьи, женившись по любви.

В Билокси спортивные игры Старого Света, которыми увлекались предки, не пользовались популярностью. Пустыри и площадки для игр предназначались для бейсбола, и только для него. Как и все мальчишки Пойнта, они начали бросать и отбивать мячи, едва научившись ходить, и в восемь лет с гордостью надели свою первую форму. Через два года их уже выделяли среди остальных и о них говорили.

Кит Руди, старший из двух (на двадцать восемь дней), был питчером-левшой с сильным броском и пугал отбивающих бэттеров своей исступленностью. Отбивал он тоже с левой стороны и, когда его не было на питчерской горке, находился там, куда его ставили тренеры: на дальнем поле, второй или третьей базе. Из-за отсутствия ловушки-перчатки для левшей он научился ловить и отбрасывать мяч своему игроку, а также бросать его правой рукой.

Хью Малко был питчером-правшой и посылал мяч даже с большей силой и точностью. С расстояния со-

рока пяти футов ему было страшно смотреть в лицо, и большинство десятилетних бэттеров предпочитали отсиживаться на скамейке запасных. Поскольку большинство питчеров в этом возрасте были правшами, тренер убедил его замахиваться с левой стороны. Именно так бросали и Бэйб Рут, и Лу Гериг, и Стэн Мьюзайл. Микки Мантл, конечно, мог бросать с обеих сторон, но он был янки. Тренировать Хью было легко — он выполнял все указания и хотел побеждать.

Бейсбол был их миром, а теплая погода на Побережье позволяла играть почти круглый год. Команды Малой лиги формировались в конце февраля и начинали игры в середине марта: две игры в неделю в течение как минимум двенадцати недель. Регулярный сезон завершался чемпионатом города, после которого начинались уже серьезные игры с участием всех звезд. Билокси доминировал в плей-офф штата, и ожидалось, что он попадет на региональный турнир. Пока еще ни одной команде Билокси не удавалось попасть на большое шоу в Уильямсporte, однако из года в год надежды на это не теряли.

Церковь была важна, во всяком случае, для родителей, бабушек и дедушек, но для самих мальчишек не было ничего важнее бейсбольной команды «Сент-Луис кардинал». В южных штатах не было профессиональных команд Высшей лиги. Радиостанция КМОХ из Сент-Луиса вела репортажи со всех игр «кардиналов», рассказывая о Гарри Кэрее и Джеке Баке, и мальчишки знали всех игроков команды, их позиции, достижения, родные города, сильные и слабые стороны. Они слушали репортажи с каждой игры, вырезали таблицы с результатами, которые публиковались в «Галф-Коуст реджистер», а затем часами переигрывали каждый иннинг на игровых площадках. Все сэкономленные деньги они

тратили на покупку бейсбольных карточек, а торговля коллекционными карточками была серьезным делом. Предпочтительным брендом был «Топпс», главным образом потому, что жевательная резинка, которую там тоже выпускали, служила дольше.

Когда наступало лето, а вместе с ним каникулы, на всех улицах Пойнта ребятя дни напролет играла в коркбол, кикбол, вифлбол и дюжину других вариантов бейсбола. Мальчишки постарше устраивались на пустырях и полях Малой лиги, где составляли команды и играли часами. По особым дням они шли домой, приводили себя в порядок, перекусывали, давали отдохнуть натруженным рукам и ногам, надевали форму и спешили обратно на поля для настоящих игр, на которые приходили поболеть большие толпы родственников и друзей. Ближе к вечеру под светом фонарей мальчишки уже играли всерьез и стремительно носились по всему бейсбольному полю. Они купались в приветствиях фанатов и безжалостно ругали друг друга за ошибки. Ошибка вызывала лавину освистывания. Удар, после которого бэттер пробегал через все базы и возвращался в дом, встречался полным молчанием на скамейке соперников. Появление на питчерской горке опасного игрока с сильным ударом заставляло притихнуть любого соперника. Оспаривать неправильное решение судьи было запрещено, по крайней мере, игрокам, но на болельщиков этот запрет не распространялся. И везде: на трибунах, парковках, даже на скамейках для запасных — работали транзисторные радиоприемники, настроенные на КМОХ с прямой трансляцией игр «кардиналов», и все знали, какой там счет.

В тот год, когда Киту и Хью исполнилось по двенадцать лет, они провели потрясающий сезон. Кит